

МИСТИЦИЗМ

В первые века христианства — мы знаем это из писаний многих Отцов Церкви и еще точнее оккультным путём — существовали в самой Церкви так называемые «мистерии». Через них человек, очистившийся и духовно развитой, приходил в соприкосновение с высшими существами, от которых поучался и познавал тайны «Царства Небесного». После того, как Христос оставил свое физическое тело, он продолжал являться своим ученикам и поучал их в течение многих лет, до тех пор, пока те, которые знали его в физическом мире, в свою очередь не покинули физического мира. Во всё время, пока существовали христианские мистерии, Иисус освящал их, от времени до времени, своим присутствием, также присутствовали на них главные из его учеников. Таким образом шли бок о бок и в полном согласии учения экзотерическое и эзотерическое. Мистерии воспитывали для высокого служения Церкви людей, которые были действительно учителями для верующих масс, потому что сами они были посвящены в «сокровенные тайны Бога» и могли говорить с авторитетом «власть имеющих» или обладали прямым знанием. С исчезновением Мистерий все стало медленно изменяться и изменяться к худшему. Возникло различие между учением эзотерическим и экзотерическим; они стали расходиться, и различие это росло до тех пор, пока глубокая пропасть не отделила их одно от другого.

Толпа верующих, сгруппированная вокруг экзотерического учения, вскоре совершенно потеряла из виду мудрость эзотеризма. Дух все больше и больше заменялся буквой, а жизнь — формой.

Тогда началась в христианской Церкви борьба между священником и мистиком, которая никогда уже не прекращалась. Священник всегда хранитель экзотеризма. Он блюстителем внешнего порядка, он передает традиции из века в век. Ему надлежит хранить непоколебимой чистоту религии, с неизменной точностью повторять священные формулы и передавать неизменным учение Церкви.* Задача великая и благородная; неоценимы заслуги его перед народом. Он освящает рождение, брак и смерть; он утешает в горе и очищает в радости. В угрюмую и серую жизнь он вносит луч радости, поэзии и красоты, он расширяет ее узкий горизонт видением лучезарного будущего. Унывающим и отчаивающимся он указывает на Распятие, которое говорит им о страдании, искупившем всякое горе; у изголовья умирающего он шепчет обещание воскресения и жизни вечной, о которой говорит христианский праздник Пасхи.

---

* Из всего предыдущего и последующего ясно, что автор не смотрит на антагонизм между мистиками и официальными представителями Церкви как на нечто нормальное, а видит в нём лишь временное явление, вызываемое упадком духовности в Церкви. По существу священники должны быть мистиками и представителями эзотеризма, и чем менее это осуществляется в действительности, тем дальше, значит, отклонилась официальная Церковь от первоначального, нормального порядка вещей. — *прим. редакции.*

Без священника, который наставляет, исповедует и утешает, трудны были бы первые шаги восхождения по лестнице человеческой эволюции.

Совершенно иной представляется жизнь мистика, одиноко живущего на высотах. Он достиг вершины, опередив свою расу. Никакая помощь, никакая поддержка, ничто из внешнего мира не доходит до него. Внимательно, неустанно прислушивается он к тончайшим звукам внутреннего голоса, к голосу Бога, живущего в нём. Смирнейший из людей, когда он созерцает окружающую его божественную красоту и неизмеримые глубины божественного Духа — он горд, когда противится указам внешнего авторитета, он мятежный и непокорный, когда отказывается склонить голову под внешнее иго Церкви. Со своими видениями, экстазами, исканиями, порывами к свету, со своей внезапной, нерациональной экзальтацией, сменяющейся такой же внезапной подавленностью и тоской,.. — что может он противопоставить определенным, точным доктринам и верховному авторитету внешней Церкви? — Ничего, кроме неизменной уверенности, которую он не всегда может объяснить или оправдать; ничего, кроме убежденности, которая при всех его колебаниях, когда он хочет сообщить или объяснить что-нибудь, остается непоколебимой в нем самом, несмотря ни на какие испытания, насмешки или оскорбления.

Что же может сделать священник с этим непокорным, который свои видения ставит выше толкований Писаний, даваемых Церковью, и который на все требования послушания и подчинения отвечает утверждением своей неотъемлемой духовной свободы? — Также ничего; потому что мистик не служит священнику, как и священник не служит мистiku. Эта непреклонность мистика нарушает установленный порядок Церкви. От этого происходит та непрерывная борьба, в которой священник кажется торжествующим, тогда как в конце неизменно побеждает мистик. Борьба кажется неравной: священник имеет за собой всю силу величественной традиции, многовековой истории, неизменного авторитета; тогда как мистик совершенно одинок. Но на самом деле борьба не столь неравна, как она кажется, потому что мистик черпает свои силы из источника, дающего начало всем религиям, он погружается в поток вечно возрождающихся вод, в поток вечной Истины. Поэтому, в этой постоянно возобновляющейся борьбе, священник всегда победитель в мире материальном, в виде формы, — и всегда побежденный в мире духовном. Зачастую мистик, осужденный, преследуемый, гонимый, пока живет в своем физическом теле, становится, как только он оставляет его, святым для своих гонителей, гласом истины для той самой Церкви, которая осудила его на молчание, краеугольным камнем тех самых стен, которые были для него тюрьмой.

В католической церкви, где эта борьба ведется из века в век, она всегда приводит к одному и тому же результату: Тереза Авьела (d'Aviela), которую духовник ее порицает и осуждает, становится для следующих поколений Св. Терезой. Сколько мужчин и женщин, на которых на которых смотрели с недоверием и презрением их современники, стали потом центрами света, к которым тянулись тысячи верующих сердец... Быть может, так и должно это быть до тех пор, пока не засияет вновь божественная Мудрость, потому что иначе всякий мечтатель мог быть принят за мистика, а истерия за откровение. Если истинный мистик может непоколебимо стоять под тяжестью оскорблений, за то он один может сказать хотя бы в самом аду: «Я знаю». Католическая церковь, а также и Православная сохранили систематическую тренировку в религиозной жизни, настоящую

подготовку к оккультной жизни, которая всегда признавалась в теории, хотя на практике подвергалась сомнению и оспаривалась. Поэтому в этой Церкви столько святых такой духовной красоты, что невольно прощаешь ее жестокости за ту широкую волну духовной жизни, которая излилась на бесплодную пустыню внешнего мира. Осуждая суровость и жестокость Католической церкви, нужно и понять также, что она сурово защищала и охраняла ту самую почву, которая давала возможность развиться и расцвести подобным семенам святости. Протестантство не сумело сохранить оккультные традиции и систематическую тренировку, и потому в нем нет почвы, на которой редкий цветок святости мог бы укорениться и возрасти. Мистики протестантской общины очень немногочисленны, хотя гигантская фигура Якова Бёме возвышается величественно, как бы указывая, что даже отсутствие традиций и тренировки не может заглушить голос Бога, живущего в человеке. Протестантство более, чем какая-либо форма христианства, нуждается в присутствии мистиков в своей среде и в соприкосновении с духом живым, чтобы спасти себя от мертвящей буквы.

Теософия есть утверждение мистицизма в недрах всякой живой религии; утверждение реальности и ценности мистического ведения. Среди поколения, воспитанного на современной науке, скептически настроенного и склонного к критике, теософия утверждает и возвещает превосходство духовного мира. Смело смотря в лицо современным жрецам науки и критики, признавая блестящие результаты, достигнутые историческими исследованиями и научными исканиями, — она вещает несравненную красоту и величие царства Духа, реально познаваемое и видимое. Первое переживание мистика — это прямое общение с невидимым, соприкосновение с невидимыми реальностями, прохождение с открытыми очами в потусторонние миры. Авторитету мистик противопоставляет опыт, вере — знание. Гарантией его утверждений является торжество переживаний всех тех, которые когда-либо проникали в области, скрытые от обычных взоров. Результатом мистических опытов и переживаний является толкование всех доктрин и писаний, толкование, оправдываемое скорее тем светом, который оно проживает, освещая темные и непонятные доктрины, чем рассудочной аргументацией. Такова всегда была работа просветленных.

Пример это лучше всего покажет. Возьмём доктрину искупления. В форме этой христианской доктрины мистик видит древнюю и всегда возрождающуюся истину: развитие или вернее раскрытие человеческого духа в сознательном его единении с Богом. Мистик видит совершающееся искупление и единение через «Христа», родившегося в человеке по мере того, как в сознании его отражение второго аспекта божественного Сознания постепенно становится яснее и лучезарнее. В то время, как растёт «Христос» в человеке, совершается единение, и полным оно является только тогда, когда сын, победивший разъединение, сознаёт себя единым с человечеством и Богом, и в силу этого сознания, этого единения, он становится истинным Спасителем, истинным Посредником между Богом и людьми. Мистик не заботится о мёртвой букве, не оспаривает никакого догмата; он видит сердце, сущность вещей при свете собственного своего переживания, и для него смысл и ценности догмата — во внутреннем его значении, а не во внешнем, историческом факте. То же самое и с Писаниями. Возможно, что с точки зрения истории они достоверны или же недостоверны. Для мистика истинное

значение и ценность их заключается в изложении истин духовного мира. Ему кажется имеющим мало значения, бродил или не бродил физический народ Израильский по физической пустыне; — много народов проходили таким же образом по многим пустыням. Но духовный Израиль всегда будет бродить по пустыням духовным, ища Землю Обетованную; и это всегда истинно и всегда ново. Мистик видит это сказание в свете духовной истины. Он видит Моисея в каждом из великих Пророков и огненный столб, окруженный облаком, над каждым из руководителей человечества. Таким образом мистик читает священные писания, таким же образом объясняет апостол Павел в своём послании к Галатам (гл. IV) историю Авраама, Агари, Исаака; таким же образом первые отцы церкви искали внутренний смысл вещей, не заботясь о внешнем значении слов. Такое толкование является жизненным вопросом для современного, образованного христианина, который не хочет совершенно отбросить религию. Среди современных научных открытий только непосредственное знание, полученное в мистическом состоянии сознания, может сохранить для него религию. Современная критика и наука подрывали в корне авторитет церкви; подземные ходы и галереи подкопали незаметным, тонким, но смертельным образом почву под ногами этого авторитета, который покоится ныне на тонкой и хрупкой коре, могущей проломиться каждую минуту, и тогда рухнет всё здание.

Церковь не может дольше быть построена на авторитете истории; она вновь должна быть перестроена и воздвигнута на твёрдой скале знания и опыта. Мистика даст ей наивысшую и самую твёрдую устойчивость, какая существует в мире: уверенность в непрерывности мистического опыта, бесконечно повторяемого. Внутренний, мистический Христос, единственная порука, единственное утверждение Христа исторического, и этого достаточно. Совершенный Христос является во всём своём величии, как исторический факт потому, что в душе каждого человека живёт потенциальный «Христос»; и только те, в которых рождается «Христос» мистический, могут смотреть через бездну веков и видеть Христа исторического. Они могут подняться за пределы своего физического тела и там познать Его в настоящей, живой действительности; видеть его столь же реально, и может быть, полнее, чем Его видели и знали ученики Его, когда он ходил по берегам Генисаретского озера.

Перевод А. В.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

